

EUROPE ON THE MOVE. REFUGEES IN THE ERA OF THE GREAT WAR.
Manchester: Manchester University Press, 2017, 335 p.

ЕВРОПА В ДВИЖЕНИИ. БЕЖЕНЦЫ В ЭПОХУ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. Манчестер, 2017, 335 с.

DOI: 10.31857/S013038640001746-8

Сборник статей на английском языке под общей редакцией П. Гэтрелла и Л. Жванко издан в серии публикаций под общим названием «Культурная история войн нового времени». Он объединил статьи специалистов по социокультурным исследованиям эпохи Первой мировой войны из разных стран, включая Россию, работы которых получили известность в последние два десятилетия. Сборник подготовлен участниками конференции, которая состоялась три года назад в университете Манчестера — одного из крупных научно-исследовательских центров по изучению воздействия вооруженных конфликтов на эволюцию общественных отношений в рамках индустриального миропорядка.

В сборнике нашли отражение ключевые события и процессы, обусловленные волнами беженцев и перемещенных лиц, которые захлестнули Европу в 1914—1918 гг. Читатель найдет на страницах издания богатую статистическую информацию, объективные, подкрепленные широким кругом верифицированных источников оценки ситуации с беженцами почти во всех государствах Старого Света. Выводы, к которым пришли авторы, позволяют по-новому взглянуть на проблему места и роли беженцев и перемещенных лиц в новейшей истории России, Германии, Австрии, Польши, Италии, Франции, Бельгии, Турции, Болгарии, Сербии, Греции.

Вряд ли стоит подробно останавливаться на актуальности рецензируемого издания, учитывая то обстоятельство, что современные миграционные процессы, оказывающие колоссальное влияние на текущую международную жизнь, заставляют политиков, дипломатов и общественных деятелей обращаться к опыту прошлого в попытках отыскать решение проблем сегодняшнего дня, вызванным перемещением сотен тысяч граждан различных государств по всему Евразийскому континенту. Что же касается научной новизны сборника, то она, очевидно, определяется широким хронологическим и географическим охватом вкуче с ярко выраженным компаративным подходом, который демонстрирует большинство его авторов.

Кроме того, новаторский характер публикации определяется комплексом принципиально важных вопросов, поставленных профессором Гэтреллом в предисловии и успешно решенных историками, внесшими лепту в подготовку интересующего нас издания.

К числу таких мало исследованных и поэтому дискуссионных проблем следует отнести динамику взаимоотношений правительственных структур и беженцев, воздействие последних на социокультурные и демографические процессы в принимающих странах (регионах), трансформацию ментальности и повседневной практики местного населения под влиянием десятков тысяч перемещенных лиц и т. д. С учетом этого контекста необходимо, как отмечает П. Гэтрелл, уделить внимание беженству, исходя из пока недостаточного изученного влияния этого явления как феномена всех войн вообще, и Первой мировой войны в особенности, на обретение европейскими народами чувства национальной идентификации. Представляется также значимым осуществить мониторинг тех тенденций в изменении политических режимов и экономических условий жизни миллионов людей, которые были связаны с наплывом и адаптацией беженцев и перемещенных лиц, характерными для периода между обеими вооруженными конфликтами глобального масштаба.

Изучая беженскую проблематику на примере Прибалтийского региона, Клаус Рихтер пришел к выводу, что эвакуация населения региона в 1914—1915 гг., последующая политика немецких оккупационных властей, препятствовавшая возвращению латышей в Курляндию, и репатриационная политика новых национальных государств, занимавшихся «выборочным» возвращением, а также польско-литовские конфликты безвозвратно изменили этнический состав населения Латвии и Литвы. Так, в итоге значительно сократилась доля еврейского и русского населения, а также прибалтийских немцев в Курляндии и поляков в Литве (с. 59—60). К. Рихтер отмечает, что почти 600 тыс. беженцев возвратились в Литву до 1924 г., в том числе 85 % от всех литовцев, 70 % поля-

ков, 50 % евреев и 40 % русских. Между тем около 185 тыс. беженцев не смогли или не захотели вернуться (с. 55).

Польский исследователь М. Коженевский, опираясь на воспоминания очевидцев, освещает массовый исход населения польских территорий летом 1915 г., во время которого больше всего страдали дети. Среди направлявшихся в Россию примерно 850—1500 тыс. беженцев, численность этнических поляков составила приблизительно 500—750 тыс. человек (с. 72—73). М. Коженевским названы польские организации помощи жертвам войны и их руководители, при этом отмечено, что весьма значительные средства на обеспечение нужд беженцев этим организациям поступали главным образом из российской государственной казны (с. 78—79, 80). В главе приведены данные о польской печатной продукции (книги и брошюры, журналы и газеты), издававшейся в течение всего военного периода в России, польских школах для детей беженцев (с. 81). При возвращении на родину в 1918 г., начале 1919 г. и после окончания советско-польской войны поляки, как справедливо считает М. Коженевский, в основном полагались на свои собственные силы (с. 82).

Раздел о помощи беженцам, размещенным на Украине в период Первой мировой войны, написан Л. Жванко. Это тот регион Российской империи, куда устремлялись беженцы, размещенные в центре Европейской России, когда в 1917 г. продовольственная ситуация начала меняться в худшую сторону. Так что беженцы, изначально размещенные на украинских территориях, находились в лучших условиях. Л. Жванко сделан вывод о том, что беженцы на Украине в период Первой мировой войны были обеспечены всем необходимым. Так, были приняты меры по расселению беженцев, снабжению их продовольствием, одеждой и обувью, медицинской помощью, меры по созданию сети приютов, приисканию заработков, предоставлению возможности получения образования, и все это на средства из российской государственной казны (с. 119). Отметим, что все эти меры осуществлялись во всех регионах Российской империи на основании закона «Об обеспечении нужд беженцев», принятого в августе 1915 г.

Итальянские авторы М. Мондини и Ф. Фризера, рассуждая о гражданском населении итальянских провинций Австро-Венгрии, вынужденно ставшими беженцами в годы Первой мировой войны, отмечают, что эти беженцы в качестве соотечественников получили в Италии поддержку правительства. При этом отношения между беженцами и местными жителями не были лишены антагонизма. Авторы

указывают на причины этой проблемы, первая из которых — социально-экономическая. Так, беженцы получали паек, хотя и скудный, а в это время местное население в сложных условиях войны страдало от недостатка продовольствия и дороговизны. Дефицит продуктов и дороговизну население в ряде мест прямо связывало с наплывом беженцев. Кроме того, между беженцами и местным населением существовала конкуренция за рабочие места, возникали трения при ежедневном общении на бытовом уровне (с. 184—185).

Часть итальянского населения австро-венгерские власти переместили подальше от линии фронта, во внутренние районы империи Габсбургов. Трудоспособных поселили в чешских деревнях, они работали на фермах и небольших фабриках. Нетрудоспособных поместили в специально созданные концентрационные лагеря, условия проживания в которых не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам, там наблюдалась нехватка продовольствия. В результате уровень смертности в этих лагерях был в 40 раз выше, чем за их пределами. Эти лагеря тем не менее тоже стали источником дешевой рабочей силы. Работодатели привлекали женщин, детей, пожилых для летних сельскохозяйственных и посильных общественных работ.

М. Амара осветил трудный процесс исхода населения оккупированной Бельгии, пребывание бельгийских беженцев в Нидерландах, Франции и Великобритании, где они получили помощь и на государственном уровне, и от благотворительных организаций (с. 201). По мнению автора, бельгийские беженцы внесли значительный вклад в экономику Великобритании и Франции, которые испытывали недостаток в рабочей силе в течение военного периода. Беженцы призывного возраста принимали участие в усилении бельгийской армии, сражавшейся вместе с союзниками (с. 207).

Возвращение большинства беженцев домой из Нидерландов и Великобритании состоялось в середине 1919 г. Несколько тысяч беженцев остались во Франции, к ним присоединились их родственники, и постепенно они интегрировались во французское общество. Это больше всего было характерно для Нормандии с ее плодородной и дешевой землей (с. 210, 211).

Данило Шаренац назвал свою главу о Сербии «Голгофой». Это обусловлено Великим отступлением сербской армии под напором врага, а также гражданского населения, включая представителей высшей власти, через территорию Албании в 1915—1916 гг. к Адриатическому морю. К февралю 1916 г. большинство людей, добравшихся туда, были эвакуированы, но только в начале апреля 1916 г. последняя группа погрузилась на корабли Ан-

танты. Если сербская армия, доставленная союзниками на греческий остров Корфу из Албании, перегруппировалась и воевала на Салоникском фронте, то большинство беженцев, сначала доставленных в Италию, были затем распределены по всей Европе и Северной Африке (с. 236—238). Во Франции 4 тыс. детей-сирот получили возможность продолжить образование во французских школах и колледжах в 1916—1918 гг. Взрослые беженцы занимали освободившиеся в связи с мобилизацией рабочие места. В Великобритании 450 сербских детей стали посещать английские школы, 125 человек обучались в высших учебных заведениях. В Греции были открыты сербские школы. Правительства и благотворительные организации оказывали помощь нуждавшимся в ней беженцам (с. 250, 251). Д. Шаренац пришел к выводу, что, хотя оценки количества людских потерь во время Великого отступления значительно варьировались, никто не усомнился в том, что цена этих жертв была непомерно высока (с. 255).

Автор рецензии не ставит перед собой задачи подробно проанализировать достоинства и недостатки всех представленных статей, выполненных на высоком профессиональном уровне с использованием не только малоизвестных архивных материалов, но и свежей научной литературы. Вместе с тем можно высказать пожелание к иностранным коллегам более активно знакомиться и использовать труды современных российских авторов, которые за последние четверть века опубликовали несколько десятков монографий, статей и сборников документов, посвященных проблематике истории военнопленных, беженцев и интернированных граждан на территории не только воевавших, но и нейтральных стран.

Статья профессора Калужского государственного университета И. Б. Беловой (с. 88—107), которая изучила особенности, периоды и последствия российского беженства времен Первой мировой войны на примере центра Европейской России, отличается прежде всего глубоким знанием не только отечественной историографии проблемы беженства, но и привлечением наиболее информативных трудов зарубежных историков. На обширном докумен-

тальном материале федеральных и ряда областных архивов И. Б. Белова реконструирует трагедию российских беженцев, которые за короткое время лишились не только родного крова, но и прежней Отчизны, которая в итоге распалась на отдельные, враждующие между собой региональные государственные образования. В статье отражены усилия российского правительства по эвакуации миллионов беженцев из прифронтовых районов вглубь империи, их размещению, обеспечению материальных и духовных потребностей. Как справедливо указано в статье российского исследователя, с приходом к власти большевиков государственная система попечения о беженцах прекратила свое существование, положение беженцев резко ухудшилось, они стали на свой страх и риск массово покидать места своего временного размещения, несмотря на существование немецкого оккупационного режима на родине. Можно только рекомендовать И. Б. Беловой продолжить изучение заявленной тематики как для эпохи Первой мировой войны, так и за ее хронологическими пределами, расширяя документальную базу и внося уточнения в интерпретацию значимых событий.

Вновь отмечая благоприятное впечатление, которое рецензируемый сборник, снабженный иллюстрациями и схемами, производит не только на специалиста, но и простого читателя, необходимо отдать должное авторам и редакторам представленного сборника, которые сумели обобщить колоссальный фактический материал, что позволило им достичь поставленной цели — осветить многогранную деятельность правительственных органов и разнообразных общественных структур по организации приема, размещения и адаптации беженцев, а также оценить воздействие потоков вынужденных мигрантов на жизнь населения стран Старого Света вне фронтовой полосы.

Е. Ю. Сергеев

доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
Института всеобщей истории РАН,
профессор Российского государственного
гуманитарного университета